

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СТОЛИЧНОГО СТАТУСА КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В современном византиноведении город Константинополь как объект исследования занимает особое положение. Особенность эта долгое время заключалась в том отношении к нему, которое предпочитало видеть в Константинополе то комплекс памятников византийской культуры¹, то средоточие политической жизни византийского государства², причем последнее направление предпочитало обращать Константинополь из объекта исследования в исторический фон. В известной мере сохраняет однообразие и структура работ о ранневизантийском Константинополе, опирающихся на введенные в научный оборот еще со времен Э. Гиббона³ литературные источники. Правда, попытки использовать новые виды исторических источников и критически переосмыслить утвердившуюся в историографии точку зрения о начале и основных этапах развития Константинополя предпринимались начиная с О. Зеека⁴, но лишь Ж. Дагрон удалось относительно полно охватить проблематику ранневизантийского Константинополя и максимально расширить круг источников, имеющих к ней отношение⁵. К сожалению, несмотря на усилия специалистов, нельзя считать окончательно решенным целый ряд вопросов истории раннего Константинополя. К их числу относится, в частности, вопрос о времени превращения Константинополя в столицу империи⁶. Отсутствие здесь единого мнения объясняется не только слабостью источниковой базы и различием в понимании термина “столица”, но и почти полным отсутствием комплексного подхода при анализе данных источни-

¹ Janin R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. P., 1964; Strube Ch. Die westliche Eingangsseite der Kirchen von Konstantinopel in justinianischer Zeit. Wiesbaden, 1973. Dagron G. Constantinople imaginaire: Études sur le recueil des Paris. P., 1984.

² Dagron G. Les moines de la ville: le monachisme à Constantinople jusqu'au concile de Chalcédoine (451) // ТМ. 1970. Vol. 4. P. 12–18; Козлов А.С. Основные черты политической оппозиции правительству Византии в 399–400 гг. // АДСВ: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 23–31; Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997.

³ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 2. М., 1997. С. 196–203.

⁴ Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. III. B., 1923. S. 426–428; Lot F. La fin du monde antique et la début du Moyen Âge. P., 1927. P. 39–43; Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. P. 83–84, 687–689; Cameron A. The Foundation of Constantinople: Myths Ancient and Modern // Byzantine Studies Conference. Abstracts. Washington, 1983. P. 32–33.

⁵ Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1984.

⁶ Основными в этом вопросе являются две точки зрения (см.: Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 7–10). Ведущей из них, если судить по количеству ее последователей, можно считать ту, согласно которой Константинополь сразу же после его “освящения” в 330 г. приобрел основные черты и свойства столицы. После указанной работы Ж. Дагрона в историографии распространилось мнение о постепенности формирования столичного статуса Константинополя. Но и среди приверженцев этой точки зрения нет единства по поводу окончательной даты.

ков. Представляется очевидным, что привлечение не использованных ранее в полном объеме данных способно продвинуть изучение любой темы, которая выглядит исчерпанной в методологическом смысле⁷. Применительно же к теме формирования столичного статуса Константинополя наименее изученным источником следует признать законодательство ранневизантийских императоров. Сей факт достоин удивления⁸, поскольку именно в конституциях содержится столь важный для темы исследования официальный взгляд на Константинополь и в определенном смысле отражается процесс его развития.

Обратиться к анализу сведений преимущественно законодательства о Константинополе меня побудило наличие в конституциях конца IV – VI в. немалого количества официальных эпитетов города, а также их заметное отличие от эпитетов, которыми награждали “город Константина” источники литературные. Даже при беглом сравнении заметно, что эпитеты из конституций характеризует функциональность их применения; очевидно, они в большей степени соответствовали реальному положению Константинополя в государстве, благодаря чему могут служить немаловажной характеристикой его официального статуса в конкретный период ранневизантийской эпохи⁹. Определенное значение для выяснения статуса “нового Рима” имеет также отношение императоров Западной Римской империи к нему, а ранневизантийских императоров – к старому Риму.

Изложенные замечания позволяют сформулировать задачи данной статьи: во-первых, оценка основных вех истории ранневизантийского Константинополя через призму данных законодательства; во-вторых, выяснение обстоятельств появления в конституциях тех или иных эпитетов Рима и Константинополя; в-третьих, решение важнейшей проблемы истории ранней Византии – времени превращения Константинополя в политический и административный центр государства – посредством применения заявленного метода и введения в оборот таких законодательных источников, которые прежде в таком контексте не использовались.

В рамках разрабатываемой темы наибольшую сложность представляет собой вопрос о первоначальном статусе Константинополя, когда официаль-

⁷ Примером тому могло бы служить недавно развернувшееся исследование образа византийской столицы в различных не византийских источниках, представленное докладами на XVI Всероссийской научной сессии византинистов: *Арутюнова-Фиданян В.А.* Константинополь в средневековой армянской историографии (V–XI вв.): Историческая перспектива; *Джаксон Т.Н.* Константинополь в картине мира средневековых скандинавов; *Калинина Т.М.* Ал-Мас’уди о Константинополе; и др. См.: Историческая роль Константинополя (В память о 550-летию падения византийской столицы). М., 2003.

⁸ Справедливости ради нужно заметить, что законодательные источники использовались в большинстве работ, касавшихся заявленной темы. Неудовлетворительным является отношение к ним исследователей, которые обычно пренебрегают дополнительной информацией, имеющейся в законодательстве, в частности, личностной императорской оценкой тех событий, которым посвящены (или не посвящены) указы. См.: *Гиббон Э.* Указ. соч. С. 196, 199; *Janin R. P.* 25; *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 83 и особенно – *Dagron G.* Naissance d’une capitale... Op. cit. P. 51–56, его параграф под названием “Риторика и право”, в котором правовые источники практически не рассматриваются.

⁹ В специальной литературе предпринимались попытки рассмотреть эпитеты Константинополя, но они остались не более чем попытками, не подготовленными методологически. См., например: *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 110–111; *Alexander P.J.* The Strength Of Empire and Capital as Seen through Byzantine Eyes // *Speculum.* 1962. Vol. 37. P. 342, 345.

ных эпитетов города еще не появилось. В трудах, посвященных основанию города, часты предположения относительно того, какие цели преследовал сам Константин Великий, обновлявший и обустроивавший старый Византий. С середины 60-х годов прошлого столетия у многих византинистов получила признание версия, согласно которой Константин создал в Константинополе постоянную резиденцию на Востоке, приспособленную для осуществления его собственных политических нужд¹⁰. К тому времени Рим утратил былую политическую важность¹¹, но в сознании и жителей империи, и окружающих ее варваров оставался главным городом государства, своеобразным “идеальным центром империи”¹². Император Константин, якобы придавший “своему” городу статус нового политического центра, тем самым создал условия и для того, чтобы в будущем Константинополь приобрел свойства и функции религиозной и культурной столицы и административного центра государства, т.е. заменил бы Рим полностью¹³. Таким образом, по мнению большинства исследователей, целью Константина при закладке Константинополя было создание в перспективе “нового Рима”¹⁴. О том же как будто свидетельствуют и основные литературные источники. Между тем при доверительном – в целом – отношении к известным источникам, в наиболее авторитетных трудах по истории ранней Византии и Константинополя высказывались сомнения в достоверности некоторых переданных ими сведений о начале города Константина¹⁵. И действительно, из всего многообразия сведений о рождении Константинополя наиболее правдоподобными могут считаться лишь сведения тех источников, авторы которых были очевидцами или хотя бы современниками этого события. Единственным подлинным свидетелем из всех литературных источников может быть лишь Евсевий Кесарийский¹⁶. Но поскольку Евсевий тенденциозен¹⁷, как и все церковные авто-

¹⁰ Jones A.H.M. Op. cit. P. 83; Vogt J. The Decline of Rome. The Metamorphosis of Ancient Civilization. L., 1993. P. 107; Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 77–78; Krautheimer R. Three Christian Capitals. Topography and Politics. Berkeley; Los Angeles; London, 1983. P. 41–42; Pabst A. Divisio regni: Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen. Bonn, 1986. S. 89 ff.

¹¹ Jones A.H.M. Op. cit. P. 687; Pashoud F. Roma aeterna. Études sur le patriotisme romain dans l'occident latin à l'époque des grandes invasions. Roma, 1967. P. 11–12; Грант М. Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. – 476 г. н.э. М., 1998. С. 261.

¹² По выражению Ф. Пашу (Paschoud F. Op. cit. P. 12); см. также: Ward-Perkins B. Constantinople: a City and its Ideological Territory // Towns and their Territories between Late Antiquity and the Early Middle Ages. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 325.

¹³ Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 25, 542; Cameron A. Rome and Constantinople: Growth of a Mistique // Byzantine Studies Conference. Abstracts. Washington, 1987. P. 1; Ward-Perkins B. Op. cit. P. 327 sqq.

¹⁴ Дополнительно см.: Dölger F. Rom in der Gedankenwelt der Byzantiner // Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 98; Janin R. Op. cit. P. 21; Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 34, 47; Demandt A. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1989. S. 392 ff.

¹⁵ Например: Janin R. Op. cit. P. 26; Jones A.H.M. Op. cit. P. 83. Not. 13; Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 45, 53, 78; Mango C. Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles). P., 1985. P. 23.

¹⁶ Barns T. Constantin and Eusebius. Cambridge, 1981. P. 226.

¹⁷ Euseb. Vita Const. I. 11: “Итак, я думаю умолчать о весьма многих государственных распоряжениях блаженнейшего василевса... Сообразно с предположенной целью сего сочинения мы будем... писать только то, что относится к жизни богоугодной”. (Здесь и далее цитирование Евсевия по изданию: Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998, с сохранением общепринятой формы ссылок на источник.)

ры, то важнейшими сведениями при рассмотрении статуса Константинополя в 324–337 гг. необходимо признать также данные нумизматики, эпиграфики и главное – законодательства.

Евсевий Памфил именует Константинополь чаще всего “городом, соименным василевсу”, а также “своим (для Константина I) городом”¹⁸. В этих частных определениях Константинополя улавливается некий смысловой нюанс, наличие которого как будто свидетельствует об особом отношении императора Константина к его детищу. Сконструированный Евсевием имидж почти интимного явления, которое представлял собою в сознании императора Константинополь, подчеркивается эмоционально холодными и даже официальными эпитетами других городов: “великого”, “царского” или “царственного” Рима¹⁹, “города, носящего имя Антиоха” и метрополии Востока Антиохии²⁰, и “царствующего среди евреев города” Иерусалима²¹. Но, изобразив Константина этаким демиургом, Евсевий не смог предъявить достаточного количества доказательств императорской приязни к предмету его приложения творческих усилий²². Напротив, по свидетельству того же Евсевия, Константин Великий осыпал милостями прежде всего город Рим, а сооружениями украшал и Рим, и многие другие города, так что Константинополь в их списке занимает далеко не первое место²³. Получается, что императорская любовь к созданному им городу тщательно скрывалась самим же императором, что представляется маловероятным, так как Константин I, будучи человеком волевым и властным, а также удачливым в политике, не стал бы скрывать личного отношения к чему бы то ни было. У самого же Евсевия имеются факты, показывающие отсутствие у Константина особого расположения к Константинополю²⁴. Если обратиться к конституциям, опубликованным в 324–329 гг., то можно увидеть, что Константин не считал создававшийся в то время новый город удобным даже для временных остановок: Константинополь не фигурирует в качестве места издания законов ни в одной из почти пятидесяти точно датированных указов названного периода. Все эти шесть лет император в лучшем случае просто проезжал мимо “своего” города, никак не выражая своего отношения к нему. Еще более примечательно то, что и в 330 г. – в год так называемого “освящения” Константинополя – среди изданных тогда законодательных источников, дошедших до нас, не появилось ни одного, который хотя бы упоминал Константинополь²⁵. Конечно, Рим в тот же период тоже не мог претендовать на исклю-

¹⁸ *Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 52; Euseb. Vita Const. III. 48, 50; IV. 58, 61, 66; Euseb. De laud. Const. 8, 9; см. также:*

¹⁹ *Euseb. Vita Const. I. 26, 33, 39, 40, 63; IV. 69.*

²⁰ *Ibid. III. 50.*

²¹ *Euseb. De laud. Const. 9.*

²² Доказательств всего два: *Euseb. Vita Const. IV. 60*, где Константин устраивает место своего будущего захоронения, и *Euseb. Vita Const. III. 48*, где говорится: “Желая отличить соименный себе город, он украсил его...”.

²³ *Mango C. Op. cit. P. 30 sqq.*

²⁴ Таких фактов тоже по меньшей мере два: *Euseb. Vita Const. IV. 61*, когда Константин не желает принимать смерть в “своем” городе, и *Euseb. Vita Const. IV. 63*, где Константин, находясь на смертном одре, пожелал благодетельствовать не жителей Константинополя, а римлян.

²⁵ В отношении некоторых конституций можно предполагать, что их появление связано с существованием Константинополя, хотя при ближайшем рассмотрении это оказывается не

чительное внимание со стороны императора, однако Константин и останавливался в Риме неоднократно²⁶, и занимался римскими делами всерьез. Правда, после 330 г. ситуация несколько меняется. В законодательных актах 331–337 гг. и сам Рим, и связанные с ним проблемы фигурируют приблизительно в том же объеме, что и прежде, а Константинополь уже заметно выделяется на фоне всех остальных городов и императорских резиденций. Почти весь 331 г. Константин I либо провел в Константинополе, либо часто и подолгу бывал в нем²⁷. В последующие годы император проводил в своем городе около месяца в году, наезжая туда по одному или по два раза²⁸. Большинство его указов за 331–336 гг. было написано в Константинополе²⁹, хотя из всей массы дошедших с того времени законов самому Константинополю определенно посвящен только один, а именно: конституция С. Th. 13.5.7³⁰.

Далее, об отношении Константина I к созданному им городу может свидетельствовать внимание императора к населяющему его “народу”. Как известно, в позднеантичную эпоху существовало стереотипное представление о том, как нужно обращаться со столичным населением, чтобы оно вело себя пристойно или даже славilo верховную власть³¹. Кроме организации питания и развлечений необходимым условием “нормального” общения с “народом” являлись эдикты, изданные *ad populum*. Частота и количество таких изданий показывает, насколько важно было мнение горожан для законодателя, и вообще, рассматривал ли законодатель ту или иную группу людей в качестве собственно “народа”, т.е. привилегированной части городского имперского населения. В правление Константина Великого “народу” было ад-

так. Например, указ С. Th. 15.2.1 (Theodosiani libri XVI / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. B., 1905. P. 814; здесь и далее ссылка на конституцию из этого издания Кодекса Феодосия производится в соответствии с общепринятой практикой), изданный 18 мая 330 г. (по времени будто бы в Константинополе), требует от консуляра вод (т.е. от чиновника одного из столичных ведомств, находившихся в Риме) обеспечить надзор за исправностью акведуков; Константин в данном случае интересовался римские проблемы, но указ, будучи включен в Кодексы, приобрел актуальность и для практики снабжения водой Константинополя в V–VI вв.

²⁶ С. Th. 15.14.3–326; 2.7.2; 6.4.2–327; 11.16.4–328.

²⁷ С. Th. 1.16.6–7; 3.30.4–5; 5.9.1; 11.30.16–17; 11.34.1; C.J. 3.19.2 (Codex Justinianus // Corpus iuris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. 2. B., 1906. P. 129; здесь и далее ссылка на конституцию из этого издания Кодекса Юстиниана производится в соответствии с общепринятым сокращением).

²⁸ Кроме данных законодательства, см.: *Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 78.

²⁹ Из 55 известных из Кодексов конституций этого периода 22 помечены его именем в качестве места издания. Правда, 6 из них имеют одинаковые дату и адресат, так что, вероятно, являются частями одной конституции (С. Th. 3.30.4; 11.30.16; 11.30.17; 11.34.1, как и не имеющие места издания – С. Th. 2.26.3; 4.5.1); другие 10 конституций, не имеющих места издания, скорее всего, опубликованы в Константинополе, если судить по датам их опубликования (Константин, наверное, находился тогда там): С. Th. 1.5.3; 2.26.3; 3.5.3; 4.5.1; 7.22.3; 8.1.3; 8.15.2; 12.1.19–20; 15.2.1, хотя некоторые из них тоже можно объединить на основании одновременности издания (С. Th. 2.26.3; 4.5.1 от 1 августа 331 г. и С. Th. 7.22.3; 12.1.19 от 4 августа 331 г.), так что получается не 10, а всего 7. Итого 33 из 55.

³⁰ Разумеется, речь здесь идет только о тех конституциях, в которых прямо упоминается город, иначе пришлось бы писать специальную работу о том, где и когда были изданы законы, попавшие в кодексы с сомнительными датировкой и указанием на место издания.

³¹ Например, у Евнапия (*Евнапий. Жизни философов и софистов* // Римские историки IV века. М., 1997. С. 239) имеется свидетельство в пользу того, что и Константин I находился под воздействием данного стереотипа. Беспокойство об “удовольствиях народа” (*voluptatibus populi*) проявлял и Констанций II (С. Th. 6.4.13), и другие императоры.

ресовано более 20 конституций, и почти все они издавались для народа Рима³². Обращения императора к народу Константинополя тоже имели место, но их количество очень невелико и сравнимо с его посланиями к представителям различных других городов империи и к провинциалам. Очевидно, что “народ” Рима находился в глазах Константина на более высокой ступени по сравнению с “народом” Константинополя, хотя нельзя отрицать и того, что Константинополь уже при Константине давал его обитателям право называться “народом”. Впрочем, этот своеобразный титул – *populus* – был дарован жителям не новой столицы, а города, который Константин выделял среди многих других городов, даже крупных и знаменитых³³.

Отношение Константина к только что появившемуся Константинополю просматривается также в его письмах и речах, в частности в “Слове к обществу святых”, в котором император вновь ни одним словом не упоминает “свой” город, а Рим именует “великим и любимым”³⁴. Правда, Рим получал от императора яркие эпитеты только в сочинениях, созданных или аранжированных Евсевием (как, например, упомянутое “Слово...”); в конституциях Константина I этот город упоминается вовсе без эпитетов³⁵. Возможно, причина столь разного отношения к столице – в канонах жанра разных источников, хотя это не объясняет более ровного во всех источниках отношения императора к Константинополю. Возможно, в основе отношения Константина Великого и к Риму, и к Константинополю лежал единый принцип практической целесообразности объекта: при всех нюансах субъективного характера оба города были равны перед императором как одинаковые предметы приложения усилий, необходимых для достижения высших политических целей. С каждым из этих городов у Константина могли быть связаны какие-то воспоминания и ментальные ассоциации, но едва ли они могли бы корректировать характер официального отношения к тому или другому городу. Рим, если и утрачивал постепенно свое значение в глазах Константина³⁶, не лишился его окончательно, оставаясь единственной столицей Империи во всех смыслах этого понятия. Константинополь же появился как функционально определенный город, чем и был равен Риму и любому городу, обладавшему такой же величиной полезности. Константин I изменил в последние годы правления личное отношение к “своему” городу, но не изменил официального статуса Константинополя. Для того чтобы субъективные представления стали частью официального имиджа, необходимо было изме-

³² Из 25 конституций с адресатом “к народу”, существующих в обоих кодексах, 16 датированы временем до 324 г.; из оставшихся лишь одна конституция (С. Th. 13.3.3–333) содержит несомненное указание на то, что она была направлена в Константинополь и предназначалась для определенных представителей населения этого города.

³³ В законодательном материале, касающемся вопроса о “народе”, примечательна еще одна особенность, а именно: обращения Константина к народу Рима исчезают после 329 г., тогда как обращения к народу Константинополя (и явное – С. Th. 13.3.3, и сомнительное – С. Th. 6.21.15) были опубликованы после 330 г. Это еще одно свидетельство в пользу того, что Константин пересматривал свое отношение к Константинополю, хотя и не изменял его принципиально.

³⁴ Василевса Константина слово, написанное к обществу святых. Глава 22 // *Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина*. С. 209.

³⁵ С. Th. 2.16.2; 9.40.3; 13.5.4: “город Рим”; С. Th. 12.1.14: “Город”; С. Th. 2.22.1; 9.21.2: “римская община (как совокупность граждан Рима)”.

³⁶ *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. 2. С. 191; *Грант М.* Указ. соч. С. 261.

нение объективного политического значения города, а для этого требовались время и соответствующие условия, пусть и созданные искусственно.

Имеются основания полагать, что в 324 г. Константинополь создавался как удобная военная база. Византий был разрушен временем и войной, но восстановление его в прежнем виде и с прежним названием противоречило самоидентичности Константина и не соответствовало героико-мифологической традиции, к которой он себя причислял. Уместно сравнить описание поведения Константина Великого с описанием аналогичных поступков Александра Македонского, который тоже вел свое происхождение от Геракла и, кстати, являлся объектом сравнения с императором Константином для Евсевия Кесарийского³⁷. Из нескольких описаний примеров градостроительной деятельности Александра складывается такая обобщенная картина последовательности и характера действий: царь лично определял место строительства стен, возводимый город посвящался богам, получал имя царя-го-снователя, был выгоден в стратегическом плане и обещал со временем превратиться в процветающее место³⁸. Картина эта удивительным образом напоминает ту, которая живописует создание Константином Константинополя, за исключением сюжета о подобию Риму. Общее сходство поведения двух великих правителей-строителей можно подтвердить и количественной составляющей их деятельности: Александр основал более десятка новых городов, а Константин, хоть и основал всего три новых города с его именем³⁹, зато много построил общественных зданий в разных городах. Нет сомнений в том, что, создавая на месте Византия сильный укрепленный пункт, Константин старался, чтобы его город не выглядел в истории хуже городов, основанных другими правителями; кроме того, он помнил и о практическом опыте градостроительства непосредственных своих предшественников⁴⁰. Действия Константина при создании Константинополя вряд ли могли быть иными: выбор места, характер построек, передача городу своего имени и последующее посвящение Константинополя христианскому богу⁴¹ – все это звенья одной поведенческой линии, обусловленной историческим временем и характером императора Константина I.

Но если наименование Константинополя вопросов не вызывает, то сюжет с сакральным посвящением города, напротив, требует тщательного анализа. Собственно, разбор сведений об “освящении” или “посвящении” Константинополя производился в историографии неоднократно⁴². Здесь же необходимо оттенить только то, что не получило должного внимания со стороны исследователей данного события. Это прежде всего поздний характер сообщений о великолепных празднествах в честь освящения Константинополя и о самой процедуре освящения: никто из младших современников

³⁷ Euseb. Vita Const. I. 7.

³⁸ Агг. Анаб. III. 1. 5; 28. 4; IV. 1.3–4; 4. 1; 22.4–5. Ссылка на Арриана и цитирование его труда дается по изданию: Арриан. Поход Александра. М., 1993.

³⁹ Euseb. Vita Const. IV. 38, 39.

⁴⁰ Lact. De mort. persec. VII. 10. Здесь использовано издание Лактанция: Лактанций. О смертях преследователей (De mortibus persecutorum) / Пер., вступ. ст. и коммент. В.М. Тюленева. СПб., 1998.

⁴¹ Euseb. Vita Const. III. 48; C. Th. 13.5.7.

⁴² Например: Holmes W.G. The Age of Justinian and Theodora. A History of the Sixth Century A.D. Vol. I. L., 1912. P. 17–18; Hearnsey J.E.N. City of Constantine 324–1453. L., 1963. P. 12 sq.; Janin R. Op. cit. P. 23–26; Jones A.H.M. Op. cit. P. 84; Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 37–42.

Евсевия, как и сам Евсевий, ничего об этом не писал. В свое время Р. Жанен высказывал обоснованное сомнение в том, что Константин посвятил свой город языческой богине Судьбы⁴³, а Алан Кэмирон предположил, что языческой церемонии “посвящения” Константинополя не было вовсе⁴⁴. Пожалуй, стоит согласиться и с тезисом о том, что существование Константинополя, как и его рождение, было со всех сторон окружено легендами уже в IV–V вв.⁴⁵ Переплетение рудиментов языческой мифологии и новых христианских выдумок существенно затрудняет выявление истинной картины рождения города Константина, однако не делает его невозможным. Важно уже само признание факта одновременности присутствия языческой и христианской традиций. Сам Константин I, позднее причисленный к лику святых, руководствовался в жизни, по-видимому, не столько религиозными нормами, сколько здравомыслием, практическим воплощением которого стало попеременное использование им языческих и христианских обычаев. Подобное поведение государственного деятеля было вполне приемлемым для ранневизантийской культуры; в любом случае осуждать великого императора за мнимую непоследовательность никто не осмелился бы. Основываясь на своем весьма рациональном представлении о вере и на выработанные годами языческие привычки, Константин должен был принести жертву разным богам как перед началом строительных работ в будущем Константинополе (это известно так называемое освящение новой городской стены), так и после завершения строительства важнейших сооружений, прежде всего императорского дворца как символа его власти⁴⁶. Было освящение территории, на которую Константин указал как на место будущего померия; “освящения” же самого города не было, поскольку он продолжал строиться и в 30-е годы. Желание посвятить Константинополь христианскому богу возникло у Константина несколько позже, по-видимому, ок. 334 г.⁴⁷ и было связано с осуществлением христианского религиозного строительства после языческого “освящения” 330 г.⁴⁸ После того, как в Константинополе были возведены первые “константиновские” христианские постройки, состоялось посвящение города христианскому богу в качестве своеобразной компенсации за языческую составляющую местной деятельности императора. Тем самым Константинополь оказался “подаренным” и богу христиан, и языческим богам, и местным святым. Именно в связи с данным обстоятельством Константинополь предстает к середине 30-х годов IV в. уже не только как укре-

⁴³ Janin R. Op. cit. P. 26.

⁴⁴ Cameron A. The Foundation of Constantinople... P. 32.

⁴⁵ Varvounis M.G. Une tradition populaire sur la fondation de Constantinople // Byzantion. 1996. T. 66. P. 454–460.

⁴⁶ Считается, что подобное освящение произошло 11 мая 330 г. (см.: Krautheimer R. Op. cit. P. 43). О языческой традиции жертвоприношения по поводу основания города см.: Liv. Ab urbe cond. I. 7. 3 (Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. I. М., 1989. С. 15); Arrian. Anabasis. III. 1. 5.

⁴⁷ Языческая символика присутствует на специальных монетных эмиссиях, выпущенных в Константинополе в начале 30-х годов (Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 49). О христианской составляющей “посвящения” см.: С. Th. 13.5.7 (1 декабря 334 г.): “К выгоде города, который мы даровали богу...”; Euseb. Vita Const. III. 48: “Желая отличить соименный себе город, он украсил его многими молельнями... и тем почтив память мучеников, вместе с тем посвятил их богу и сам свой город”.

⁴⁸ Mango C. Op. cit. P. 35 sqq.

пленный пункт, но и императорская резиденция, и растущий новый христианский центр. Город и его население приобретали новые качества и права и расширяли свой первоначальный статус, однако физический рост Константинополя был всего лишь подъемом до уровня нормального по тем временам города, а не превышением его⁴⁹.

Окончательное решение проблемы первоначального статуса Константинополя в первые годы его существования связано с вопросом о “новом Риме”: считал ли таковым свой город сам Константин, т.е. являлся ли эпитет “Новый Рим” официальным для Константинополя в годы правления Константина Великого? Ни у Евсевия Памфила, ни в законодательстве Константина, ни на монетах 20–30-х годов IV в. подобного названия не встречается. Из современных началу Константинополя источников о “новом Риме” говорится только в каком-то эпиграфическом документе 324 г., упомянутом А. Джонсом⁵⁰; в 326 г. о Константинополе как “другом Риме” писал и Порфирий Опат⁵¹. Некоторые из авторов второй половины IV в. – младшие современники Константинополя – тоже касались этой темы, причем, как можно заметить, Константинополь сравнивали с Римом либо официальные, либо официозные источники: цезарь Юлиан⁵², ритор Фемистий⁵³, поэт Авсоний⁵⁴ и Аноним Вalezий⁵⁵: В первой половине V в. о Константинополе как втором или новом Риме распространяются в основном церковные источники. Сравнение сообщений IV – первой половины V в. о “Новом Риме” приводит к выводу о том, что видеть Константинополь преемником Рима в той или иной степени стремились авторы, близкие к верховной власти, а также христианская нарративная традиция⁵⁶. Стремление части восточных епископов превратить Константинополь во второй после Рима религиозный центр вполне понятно: они были готовы признать первенство Рима в иерархии христианских епископий в обмен на признание преимуществ Константинополя перед крупнейшими митрополиями Востока. Позиция же императорской власти в вопросе о статусе Константинополя перед Римом во второй половине IV в. не кажется столь же прозрачной. Действительно, признать город Константина вторым или новым Римом означало для императоров Констанция II, Юлиана или Феодосия I – тех, которые благосклонно выслушивали фразы типа “Константинополь – Новый Рим”, – что Рим есть глав-

⁴⁹ Динамика первоначального роста послужила основой для производства в историографии необоснованных выводов об ускоренном физическом развитии Константинополя уже в первой половине IV в. См., например: Курбатов Г.Л. Города, ремесло и торговля в Византии IV–V вв. Константинополь и провинции // История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 106.

⁵⁰ Jones A.H.M. Op. cit. P. 83. Not. 13.

⁵¹ См.: Dagron G. Naissance d'une capitale... P. 46.

⁵² Julian. Or. I. 8: “второй (после Рима)” (перевод сделан по изданию: The Works of the Emperor Julian. London; Cambridge (Mass.), 1962).

⁵³ Themist. Or. III. 42 a-b: “(Константинополь) участвует в судьбе и имени Рима”; Or. XIV. 184a: “(Константинополь) стал поистине вторым Римом” (издание речей Фемистия: Themistii orationes / Ed. G. Downey, A. Norman. Leipzig, 1965).

⁵⁴ Ordo urbium nobilium. 2 (см.: Авсоний. Стихотворения / Отв. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993. С. 228).

⁵⁵ Anon. Val. 30: “(Константин) решил приравнять (Константинополь к) Риму” (перевод сделан по изданию: Excerpta Valesiana / Ed. J. Moreau, V. Velkov. Leipzig, 1968).

⁵⁶ Кроме известных высказываний Сократа и Созомена в том же духе выносились постановления на Втором и Четвертом Вселенских соборах.

ная императорская резиденция, что Рим остался столицей государства, а дело рук константиновых – Константинополь – должен занять заведомо подчиненную позицию. Для Феодосия Старшего как выходца с Запада подобные рассуждения могли быть приемлемы, но для Константина Великого или Констанция при их в общем одинаково ровном отношении и к Риму, и к Константинополю было бы абсурдом давать последнему еще одно официальное название, притом столь явно политически окрашенное. Как известно из источников, Константин I не называл Константинополь публично ни вторым Римом, ни даже собственно Константинополем. Наличие в речевом обороте на Востоке начиная с 324 г. словосочетания “новый Рим” не означало, что император и его свита охотно им пользовались и предпочитали прочим названиям. Известный эпизод из Сократа о камне с текстом указа Константина, потребовавшего именовать его город вторым Римом, кажется выдумкой тенденциозного церковного писателя: Сократ Схоластик явно находился под воздействием той традиции, которая уже сложилась в ранневизантийской церковной историографии и которая видела в Константинополе второй по значению город христианского мира⁵⁷. Сократ не смог бы понять императора Константина, для которого “уравнять” Константинополь с Римом и назвать свой город “вторым Римом”, тем самым унизив его до положения подобия Рима (если бы Константин вообще раздумывал на эту тему), было совсем не одно и то же. Гипотетическое уравнение Константинополя и Рима было невозможно потому, что эти города были равны в сознании Константина из-за приблизительно равного соотношения своих положительных и отрицательных качеств: возраста, величины, характера населения, перспектив развития. Равенство же их как двух императорских резиденций легко нарушилось в пользу Константинополя, когда Константин стал больше времени проводить в нем, а не в Риме. Строго говоря, каждый город империи обладал собственным местом, и менять статус одного города за счет изменения статуса другого не имело смысла с точки зрения позднеантичного государственного устройства.

Константин не стремился создавать второй Рим, копируя оригинал. Дарование “своему” городу так называемых “столичных” привилегий еще не означало, что Константин решил возвести новую столицу в противовес столице старой. По суду своей, все эти “столичные” признаки – хлебные раздачи, привилегированное название населения, императорские постройки – являлись средством выделить Константинополь из массы обычных провинциальных полисов, которые часто обладали этими признаками вместе или по отдельности”⁵⁸. По-настоящему сделать Константинополь столицей могло

⁵⁷ *Socr.* I. 16: “Окружив этот город большой стеной и украсив различными зданиями, он расширил его, сравнял с царственным Римом и, переименовав в Константинополь, предписал законом называть его вторым Римом” (*Сократ Схоластик*. Церковная история. М., 1996. С. 38). В приведенном отрывке содержатся очевидные противоречия, причиной которых явились эклектические заимствования Сократом информации из разных по характеру источников, в том числе языческих, а также тенденциозность самого Сократа: Константин сначала приравнял свой город к Риму, затем переименовал его в Константинополь, а после того повелел называть вторым Римом. См. также: *Orosius*. VII. 28. 27 (*Павел Орозий*. История против язычников / Пер., коммент. и указатель В.М. Тюленева. СПб., 2003).

⁵⁸ В частности, хлебное снабжение восточных и африканских городов предполагало и раздачу хлеба части населения этих городов. См.: *C. Th.* 14. 25 (*De frumento Carthaginiensi*); *C. Th.* 14.26 (*De frumento Alexandrino*); *C. Th.* 11. 15. 1; *C. J.* 10. 117. 3 (ситония). См. также: *Фихман И.Ф.* Государство и цены в византийском Египте // *ВВ*. 1991. Т. 52. С. 13–26.

бы только наличие “римского” сената. Но по вопросу о возникновении константинопольского сената можно утверждать с уверенностью только то, что все существующие на этот счет точки зрения являются не более, чем версиями, поскольку полные и достоверные сведения о сенате Константинополя в первой половине IV в. отсутствуют. Законодательство Константина I о нем не упоминает ни единым словом (в то время как имеются прямые обращения этого императора к сенату Рима⁵⁹). Единственный литературный источник конца IV в.⁶⁰, который приписывает Константину учреждение сената⁶¹, настолько неясен, что также открывает простор для предположений. Наиболее вероятной в настоящее время выглядит гипотеза А.А. Чекаловой, согласно которой первоначальный состав константинопольского сената качественно отличался от римского аналога⁶². В этом смысле статус “нового” сената – *secundi ordinis* – являлся в устах Анонима не более, чем саркастической характеристикой социального состава того образования, которое заняло место в курии Константинополя⁶³. Очевидно, что и слово “сенат” при этом использовалось не в прямом смысле, а в качестве литературной гиперболы: в самом деле, сенат в Римском государстве мог быть только один, а все прочие “сенаты” являлись по статусу городскими советами, т.е. куриями. Сенат Рима состоял исключительно из *clarissimi*⁶⁴, так что Константин, если он задумывал создавать сенат Константинополя, ничем не уступающий римскому, должен был переселить в Константинополь массу сенаторов из Рима, чего в действительности не произошло. Концентрация в Константинополе нескольких патрициев и некоторых представителей высшей администрации Востока – какие бы цели при этом ни ставил император Константин – привела к созданию не нового сената, а именно куриального совета⁶⁵; но совета особого рода: это был императорский совет из ближайших сподвижников Константина, совет-комитива, который не передвигался по стране вслед за императором, а имел стационарное расположение в одной из главных императорских резиденций и месте более длительного, чем в прочих городах Востока, пребывания Константина после 330 г. Создание такого “сената” в Константинополе подтверждает версию о первоначальном статусе города как *sedes imperii* особого рода. В этом смысле понятие “новый Рим” во второй четверти IV в. могло быть только неофициальным. После кончины Константина созданный им город остался всего лишь еще одной, хотя и более важной или любимой, чем другие, резиденцией, но никак не вторым Римом и уж во всяком случае не второй столицей. Сам Константин видел в Константинополе только плацдарм для реализации своих политических замыслов – место, свободное от многих недостатков и сложностей, присущих другим городам Востока.

⁵⁹ Например: С. Th. 8.18.1–319; 15.14.4–326.

⁶⁰ О датировке Анонима Валезия см.: König I. *Origo Constantini: Anonymus Valesianus*. T. I: Text und Kommentar. Trier, 1987. S. 27.

⁶¹ *Anon. Val.* 30: “Где и установил сенат второго ранга: назвал (сенаторов) славными”.

⁶² Чекалова А.А. К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя // ВВ. 1989. Т. 50. С. 47–58.

⁶³ Ибо одно из значений выражения *ordo secundus* – “всадничество” (Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1986. С. 542) или, используя реалии IV в., – “высочки” (Чекалов А.А. К вопросу... С. 48).

⁶⁴ Dig. 1. 9. 12. 1.

⁶⁵ Mudd M.M. *Studies in the Reign of Constantius II*. N.Y., 1989. P. 80.

При преемниках Константина Великого официальный статус Константинополя не изменился. Тезис о том, что Констанций II, получивший от отца в управление весь Восток⁶⁶, стремился поднять авторитет Константинополя до уровня Рима⁶⁷, подвержен обоснованной критике⁶⁸, хотя полностью и не опровергнут. Разумеется, император Констанций ревновал братьев к власти, и само по себе обладание Константинополем не могло стать для него средством удовлетворения жажды большей власти. Столицей империи он, без сомнения, видел только Рим. В своих указах Констанций II упомянул название этого города не менее десятка раз, тогда как Константинополь был назван им лишь единожды, и то – в качестве определения⁶⁹. В законодательных памятниках периода правления Констанция по отношению к Риму не использовались эпитеты, известные по другим источникам того времени. В отличие от других крупных городов Рим, по-видимому, не нуждался в определениях, так как выделялся среди всех населенных пунктов одним своим именем – *urbs Roma*⁷⁰; Иногда, по примеру отца, Констанций величал этот город “общиной римской”⁷¹ или просто Городом”⁷². Таким образом, в личном отношении к городам Риму и Константинополю император Констанций II являлся в общем продолжателем Константина I, но с небольшим отличием, а именно: если душе⁷³ Константина Великого ближе был город его имени, то Констанцию, по-видимому, ближе казался Рим, обладавший авторитетом и славой имперской столицы. Вполне вероятно, что город Константина вызывал “приязнь”⁷⁴ у Констанция II, но более вероятно то, что приязнь эта не была велика настолько, чтобы обуславливать поступки императора. Это отчетливо видно на примере пресловутого константинопольского сената.

Существует мнение, что конституции императора Констанция, адресованные “к сенату”, в подавляющем большинстве направлялись в Константинополь⁷⁵, что, как будто, говорит в пользу версии о стремлении Констанция II превратить этот город в настоящую столицу, которая обладала бы сенатом, равным римскому. Однако содержание “просенатских” постановлений таково, что свидетельствует скорее о противоположном устремлении императора. Все эти конституции, по сути дела, имели целью обременить членов “сената” расходами на поддержание городского стандарта того полиса, который носил славное имя Константина⁷⁶. Имеющиеся в нашем распоряже-

⁶⁶ *Euseb. Vita Const.* IV. 51.

⁶⁷ *Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien.* P., 1985. P. 230–231; *Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 135.

⁶⁸ См.: *Чекалова А.А.* Претура: основа комплектования сената Константинополя или налоговое бремя сенаторов? // *АДСВ.* 1992. Вып. 26. С. 37–45.

⁶⁹ *C. Th.* 11.16.6–346: “константинопольские граждане”.

⁷⁰ *C. Th.* 6.4.4; 7; 11; 9.17.2.

⁷¹ *C. Th.* 8.13.1.

⁷² *C. Th.* 6.4.3; 12.1.14.

⁷³ Состояние души Константина упоминал Аврелий Виктор (*Aurel. Victor. De caesaribus.* 41.12 “Он отвлекся душой, когда должен был быть основан город”.

⁷⁴ *Mudd M.M. Op. cit.* P. 84.

⁷⁵ Например: *Чекалова А.А.* Претура... С. 39–40. Прим. 1.

⁷⁶ См.: *C. Th.* 3.32.2; 6.4.5; 6.4.6; 6.4.8; 6.4.9; 6.4.10; 6.4.14; 6.4.15; 6.4.16. Мы придерживаемся той точки зрения, что не менее половины известных указов о преторах из Кодекса Феодосия относилось к Риму.

нии данные источников свидетельствуют о том, что в 40–50-е годы IV в. в Константинополе все еще не существовало “полноценного” сената, сравнимого с римским, и что Констанций II в это время и не имел цели создавать его: во-первых, учреждение нескольких претур не возвышало Константинополь над прочими крупными *civitates*, курии которых несли схожие повинности⁷⁷; во-вторых, вплоть до конца 50-х годов количество в константинопольской курии сенаторов вообще⁷⁸ и клариссимов в частности⁷⁹ было явно недостаточным для уравнивания с Римом, а Констанций в то же время не был склонен увеличивать число обладателей клариссимата⁸⁰, наконец, само слово “сенат”, встречающееся в конституциях Констанция II, являлось обозначением не уникального политического учреждения, присущего столице, а именно курии значительного города⁸¹.

Большую часть времени своего правления Констанций был увлечен чем угодно, но только не увеличением авторитета Константинополя. В несравненно большей мере император был занят делами Рима. Так, все известные нам указы в адрес префектов города отправлялись в Рим⁸²; создание префектуры Константинополя не сделало нового префекта адресатом императорских посланий. Конституции *ad populum* тоже направлялись только в Рим⁸³. Возможно, Констанций II, имевший негативный опыт общения с константинопольцами⁸⁴, недолюбливал и опасался их, а они отвечали императору теми же чувствами, и в результате город не получал возможных императорских милостей⁸⁵. Римскими же делами Констанций пытался заниматься даже

⁷⁷ Известно, что Констанций целеустремленно решал проблему курий, которая заключалась в том, чтобы сохранить в провинциальных городах местные “сенаты”, выполнявшие городские повинности (в этой связи замечателен пример Константины Циртенсийской, которая, по-видимому, получила в свое время имя Константина Великого и куриалы которой, возможно, на этом основании пытались получить льготный доступ в сенаторское сословие, но тщетно – С. Th. 12.1.29). Кроме того, претура не являлась исключительным атрибутом столичной курии: Либаний, например, показал существование аналогичных литургий в городах Эллады (*Lib. Or. 14. 18: Libanius. Opera. Lipsiae, 1903*. Далее обычный порядок ссылок на Либания).

⁷⁸ *Themist. Or. 34. 3*.

⁷⁹ С. Th. 6.4.9–356: “Желательно, чтобы в сенат пришли не менее пятидесяти клариссимов; ибо известно, (что благодаря) этому числу разливается (питательная) субстанция (для) всяческой доблести”.

⁸⁰ *Amm. Marc. 21.16. 2* (здесь и далее ссылки даются по изданию: *Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Leipzig, 1978*); *Mudd M.M. Op. cit. P. 128*.

⁸¹ Ср.: С. Th. 6.4.5–340 (эта конституция адресована “к сенату”, но в тексте его не упоминает) и С. Th. 12.1.27–339 (адресована проконсулу Африки, но в тексте ее упоминается “сенат сийательнейшего Карфагена”). Иногда слово “курия” применялось по отношению к Риму и Константинополю в том же смысле, что и по отношению к провинциальным *civitates*: С. Th. 6.4.10 (Константинополь); С. Th. 6.4.11 (Рим).

⁸² Например: С. Th. 6.4.7; 7.20.7; 8.13.3; 9.17.1; 11.30.18; 13.5.9; 14.3.2; 15.12.2; 16.10.5.

⁸³ Например: С. Th. 9.16.4; 9.34.6; 11.16.7; в С. Th. 12.1.49 (адресат – префект претория Тавр): “одобряются голосами всего народа (Рима)”.

⁸⁴ Негатив, с одной стороны, могла породить известная “резня принцев” после интронизации Констанция (*Глушакин Е.П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Барнаул, 1996. С. 25–26; Гринт М. Указ. соч. С. 275*), а с другой – склонность горожан к мятежам (каким, например, был мятеж 342 г. – *Socr. II. 13*).

⁸⁵ Например: С. Th. 11.16.6–346: “...константинопольские граждане, освобожденные (от) экстраординарных и рекрутских повинностей, (пусть) вспоминают, однако, обязанности и уплаты за свои юги и каппиты”.

в период раздельного с братьями управления империей⁸⁶. Такая позиция являлась практическим выражением политико-административной концепции Констанция II⁸⁷, в которой Константинополь как административная единица не занимал центрального места.

Судя по данным различных источников, императорский интерес к Константинополю усилился и приобрел разносторонность после 355 г.: именно тогда появилось большинство обращений к константинопольскому “сенату”, да и само это учреждение стало более походить на сенат в узком смысле этого понятия. Вероятной причиной изменения отношения Констанция к городу, основанному отцом, было появление в политической жизни государства императорского родственника Юлиана. Его провозглашение цезарем в 355 г. предшествовало всплеску законодательной активности, коснувшейся Константинополя⁸⁸. Точно так же узурпация Юлиана и его победное шествие из Галлии на Восток послужили поводом для опубликования обширной конституции Констанция, адресованной сенаторам Константинополя⁸⁹. И если во второй половине 50-х годов город вполне мог рассматриваться императором в качестве опорного пункта при возможном выделении в будущем “цезаревой доли”, то узурпация Юлиана, отношение к которому в Константинополе было более лояльным, чем к самому Констанцию, должна была заставить последнего принять меры, которые застраховали бы его от перехода города на сторону Юлиана⁹⁰. Все указанные мероприятия, даже если они и знаменовали собой кардинальное изменение императорской позиции в отношении Константинополя, не привели бы к моментальному изменению официального статуса города. Для этого ни у Констанция II, ни у Юлиана Апостата не оказалось достаточного количества времени, и неизвестно точно, имелась ли решимость целенаправленно действовать в данном направлении. Константинополь конца 30-х – первой половины 60-х годов мог считаться современниками “городом *imperiū* константиновой династии”⁹¹, однако такая общественная характеристика (одна из многих!) не влияла на его конституционный ста-

⁸⁶ Например: С. Th. 6.4.4–339: “Все клариссимы, которые проживают по диоцезам твоего высочества (имеется в виду префект претория Италии Мецилий Гилариан), принуждаются прийти в город Рим со (своими) расходами, которых требует смысл обязанности...”; С. Th. 9.17.2–349: “...в городе Риме ты (префект Италии Лимений) исследуешь вместе с понтификами...”.

⁸⁷ О целенаправленных действиях императора Констанция в данной сфере см., например: *Vogler Ch. Constance II et l'administration impériale*. Strasbourg, 1979; *Migl J. Die Ordnung der Ämter. Prätorianerpräfektur und Vikariat in der römischen Reiches von Konstantin bis zur Valentinianischen Dynastie*. Frankfurt a. M. 1994. S. 124–140.

⁸⁸ С. Th. 6.4.8; 9; 10–356; следствием громких военно-политических побед Юлиана, вероятно, стала еще одна законодательная волна: С. Th. 6.4.14; 15; 16–359.

⁸⁹ Эта конституция, датированная 3 мая 361 г., раздроблена в Кодексе Феодосия на несколько фрагментов: С. Th. 1.6.1; 1.28.1; 6.4.12; 6.4.13; 7.8.1; 11.1.7; 11.15.1; 11.23.1; 12.1.48; 13.1.3; 15.1.7.

⁹⁰ Констанций в 361 г. впервые назвал Константинополь “нашим городом” (С. Th. 6.4.13.3, 4), как совсем недавно называл Рим (С. Th. 11.30.27), а сенат Константинополя – “нашим сенатом” (С. Th. 12.1.48). Тогда же он показал себя обеспокоенным “делом устроения удовольствий народа” (С. Th. 6.4.13.pr), а также декларировал повинностные и налоговые льготы сенаторов (С. Th. 7.8.1; 11.1.7; 11.15.1; 15.1.7). Но тогда же Констанций II обратился посредством указа и к антиохийцам, которые славились склонностью к мятежам еще более, чем константинопольцы: С. Th. 16.2.16.

⁹¹ *Глушанин Е.П.* Ранневизантийский военный мятеж... С. 27.

тус. Тот же Юлиан, принадлежавший к династии Константина Великого и имевший все основания для того, чтобы испытывать к городу его имени самые искренние теплые чувства⁹², и проявлявший эти чувства в действительности, не трансформировал, однако, личное отношение в статус Константинополя. В сложную для Юлиана пору – летом и осенью 361 г. – он стремился заручиться поддержкой не Константинополя, а Рима⁹³ и направился на берега Босфора не прежде, чем поступили сведения о кончине Констанция. Встретив в Константинополе неожиданно радушный прием⁹⁴, Юлиан задержался в нем на сравнительно длительный срок и немалую часть времени и внимания посвятил тем, кто его поддержал в этом городе, – сенаторам и народу.

От периода правления Юлиана до нас дошли сведения о существовании в Константинополе консистория⁹⁵. Эта административная структура вместе с комитатом вобрали в себя тех сановников, которые при Константине I могли составлять часть константинопольской курии⁹⁶. Возможно, что реструктурирование “сената” произошло потому, что он не выполнял политических функций, а его численный состав пополнялся в IV в. отставными сановниками в ранге иллюстриев. В конце правления Констанция II сенат Константинополя по числу и представительности его членов приблизился к римскому сенату, так что следующим логичным действием в “сенаторской” политике императоров стало увеличение количества привилегий восточных сенаторов, точнее, приближение их в этом отношении к сенаторам Рима. Юлиан, очевидно, утвердил соответствующие распоряжения своего предшественника на троне, а также добавил свой⁹⁷. Усилия Юлиана Апостата в этом направлении позволяют считать его правление временем превращения константинопольского собрания сенаторов в подобие столичного сената⁹⁸. Но при всем том император Юлиан не отождествлял положение сената Константинополя с официальным статусом города. Сенат приобрел представительность и авторитет, но не политическое значение, вследствие чего не мог претендовать на то, чтобы город формально соответствовал более высокому положению находившегося в нем совета. Среди законов Юлиана нет ни одного, который был бы адресован “ad senatum” после начала единоличного правления. Проблемы текущего администрирования император решал традиционно, при посредстве комитата⁹⁹ и конкретных должностных лиц. Несмотря на свою приязнь к Константинополю, Юлиан тоже относился к нему вполне в духе сложившейся в “доме Константина” традиции, признавая за Римом право называться столицей. Дела в Италии и Риме всегда стояли выше проблем Константинополя; постоянно находясь на востоке империи, Юлиан тоже обращался к чиновникам в Риме несравненно

⁹² Например: *Amm. Marc.* 22. 9. 2. У Либания же наряду с аналогичными высказываниями имеется сообщение о разочарованности Юлиана Константинополем: *Lib. Or.* 15. 55.

⁹³ *Amm. Marc.* 21. 10. 7.

⁹⁴ *Amm. Marc.* 22. 2. 4.

⁹⁵ *C. Th.* 11.39.5–362.

⁹⁶ Чекалова А.А. К вопросу... С. 51–53.

⁹⁷ Например: *C. Th.* 11.23.2; 12.13.1.

⁹⁸ *Amm. Marc.* 22. 7. 3: “Он часто посещал курию, инициируя там различные обсуждения”; *Lib. Or.* 59. 97: “Он предоставил совету свободу слова”; *C. Th.* 9.2.1–362: “Право сенаторов и авторитет этого сословия, к которому и мы причисляем самих себя, необходимо защищать от всякой несправедливости”.

⁹⁹ *C. Th.* 11.30.29; 31.

чаще¹⁰⁰. Таким образом, император демонстрировал личное расположение населению Константинополя¹⁰¹, тогда как собственно город рассматривался им традиционно – как одна из *sedes imperii*, ничем фактически не отличавшаяся, например, от Антиохии, но осененная величием и славой своего основателя¹⁰².

Личностная составляющая в отношении императоров второй трети IV в. к “городу Константина” сформировала питательную среду для развития того близкого к официозу идеологического настроя, благодаря которому и существовали устремления превратить Константинополь из императорской резиденции во “вторую столицу”. Черпавшие из этого источника авторы, современные Констанцию II и Юлиану, давали Константинополю соответствующую характеристику (наряду с описанием действительного физического состояния города, которое, к слову, не отличалось от состояния многих других городов Востока¹⁰³): помимо легенды о “втором Риме”, получившей дополнительное развитие с середины IV в.¹⁰⁴, приблизительно тогда же появляется миф о “сопернике Рима”¹⁰⁵. Имидж соперника славной столицы должен был повысить на Востоке общественный авторитет Константинополя и его жителей. Но на официальном “рейтинге” города эти усилия не отразились; можно только предполагать, что общественная идеализированная оценка статуса Константинополя в будущем повлияла на отношение к городу новых императоров, которые не имели прямой зависимости от прежних “династийных” ассоциаций и установок.

Наряду с медленно вызревавшими субъективными основаниями пересмотра статуса Константинополя, в конце IV – начале V в. появились и объективные факторы воздействия на официальную точку зрения о нем; в первую очередь, это усилившаяся тенденция к *partitio imperii*¹⁰⁶, заставлявшая императоров Запада и Востока пересмотреть отношение к прежним резиденциям с точки зрения новых политических реалий¹⁰⁷. У Константинополя в этом смысле была более выгодная перспектива, чем у Рима.

¹⁰⁰ Например: С. Th. 3.5.8 – к викарию Рима; С. Th. 14.4.3 – к префекту Рима; С. Th. 8.1.8 – к префекту претория Италии.

¹⁰¹ Кроме знаков внимания сенаторам” известны его обращения к народу Константинополя по второстепенным поводам (С. Th. 2.29.1; 9.17.5). Примечательно, что эдиктов к народу Рима от имени Юлиана не издавалось.

¹⁰² *Julian. Or. I. 8*: “Город, который настолько превзошел все другие, насколько сам ниже Рима; и представляется, что быть вторым (после Рима) – большая честь, чем числиться первым и выдающимся из всех городов рядом”. Высказывание Юлиана риторическое от начала до конца, и его назначение состояло не в выявлении действительного положения Константинополя, а в обязательном упоминании заслуг Константина, среди них было и основание города, в котором Юлиан произносил свою речь. Из вежливости он вставил в панегирик Констанцию наиболее выгодное для адресата общественное представление о значении Константинополя для членов константиновской династии.

¹⁰³ *Lib. Or. 18. 177*: “большой город во Фракии”; *Expositio totius gentium et mundi*, 50 (*Geographi graeci minores* / Ed. C. Müller. Vol. 2. P., 1861): “блестательный город во Фракии”; *Themist. Or. III. 41a*: “прекрасный город”. О величии Константинополя сообщает и Гимерий (*Himerius. Or. 41. 4*).

¹⁰⁴ *Lib. Or. 18. 11*: “город, после Рима величайший”; *Or. 15. 36*: “каждый из Римов”; *Or. 59. 94*: “величайший из здешних городов и второй после величайшего из всех”.

¹⁰⁵ *Lib. Or. 15. 59*; *Or. 18. 13*; *Eutrop. Brev. X. 8. 1* (Римские историки IV века. С. 69); *Themist. Or. 41c-d*; *Or. 42*.

¹⁰⁶ Глушанин Е.П. Раздел Римской империи 364 г. и начало Византийского государства // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Барнаул, 1998. С. 4–8.

¹⁰⁷ *Amm. Marc. 26. 5. 4*.

Специфика политических обстоятельств и новых личных отношений в новой же валентиниановой династии обусловила изменения в официальном взгляде на Рим и Константинополь. Валентиниан I еще накануне раздела с Валентом “комитов и легионов” назвал Рим “вечным городом”¹⁰⁸, давая тем понять окружению, что он верен древним традициям¹⁰⁹ и считает Рим единственной и неповторимой столицей империи. Позднее, находясь в резиденции в Медиолане, он не только не изменил свою первоначальную позицию относительно “вечного Рима”¹¹⁰, но и дополнил ее эпитетом “священный”¹¹¹. Валент, который получил для управления Восток с Константинополем, весьма редко высказывался о проблемах своей главной ставки, а название города в его конституциях вообще не встречается¹¹². Валент словно бы демонстрировал нежелание вспоминать о нем без надобности¹¹³. По-видимому, Константинополь был неприятен Валенту, но тот не имел возможности совершенно игнорировать его. Император бывал в Константинополе по необходимости¹¹⁴, признавая за ним статус резиденции особого рода, однако едва ли задумывался всерьез об изменении этого старого официального статуса.

Первые эпитеты появились у Константинополя в законодательных источниках периода правления Феодосия Старшего. Хотя он, как выходец с Запада, был человеком, в известной мере чуждым восточным традициям, его признание выщающегося положения Константинополя не выглядит необычным именно в силу его “чужеродности”. Феодосию I важно было утвердиться в качестве легитимного императора, а проще всего сделать это было в северной части Восточной империи, где выдающимся городом как раз и признавался Константинополь. Феодосий I согласился с определением Константинополя как “второго Рима”¹¹⁵, создав тем самым ему официальный в ранней Византии статус второй после Рима патриархии империи¹¹⁶. Но сам Феодосий не именовал Константинополь вторым Римом в конституциях; обычное его обозначение в законодательстве – “константинопольский город”¹¹⁷, в чем видится следование светской, а не церковной традиции. При всем известном своем православии Феодосий I не смешивал “богово и кесарево”, так что город Константина в его указах не обладает какой-то особой святостью, которую могло бы сообщить ему имя равноапостольного основателя, а также положение первой митрополии Востока¹¹⁸. Очевидно, религиозная теория “второго Рима” еще не вросла в сознание всего гражданского сообщества Востока, а император Феодосий не старался ускорить

¹⁰⁸ С. Th. 14.2.1; 14.22.1; 15.1.12.

¹⁰⁹ Paschoud F. Op. cit. P. 9–20.

¹¹⁰ С. Th. 11.2.2; 14.6.3.

¹¹¹ С. Th. 14.3.12: *sacratissima urbs*; С. Th. 14.15.2: *urbs sacra*.

¹¹² Единственный случай именования Константинополя в законодательстве рассматриваемого периода встречается в конституции Валентиниана I (С. Th. 13.9.2), где город Константина, разумеется, представлен безо всякого пиетета: “... в отдаленные военные порты или в Константинополь...”.

¹¹³ Сухой тон конституций Валента в лучшем случае допускал термин “город” (С. Th. 1.6.7).

¹¹⁴ См.: *Dagron G. Naissance d'une capitale...* P. 82–84.

¹¹⁵ Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 158–160.

¹¹⁶ С. Th. 16.1.3; см. также 3-й канон Второго Вселенского собора.

¹¹⁷ С. Th. 1.10.4; 1.15.11; 6.2.14; 10.18.2; 14.17.9; 15.1.25.

¹¹⁸ См.: С. Th. 16.1.13: “константинопольская церковь”; С. Th. 16.5.7.3: “замечательная славная община (в смысле церковная константинопольская)”.

процесс ее укоренения. Он формально признавал духовное лидерство старого Рима, особенно явно в то время, когда находился в западной части Римской империи¹¹⁹, на Востоке же он почти совсем не поминал Рима, тогда как в Риме о Константинополе не забывал¹²⁰. Феодосий Великий считал Константинополь не просто своей главной резиденцией в империи, но и городом, равным Риму по значению для государства. Он немало способствовал физическому и моральному росту Константинополя, распространял миф о славном прошлом “города священнейшего имени”¹²¹ и, по сути, являлся первым из византийских императоров, приближавших Константинополь к статусу действительной столицы восточной части Римской империи. Феодосий I был также первым из императоров IV в., кто искренне любовался Константинополем, с удовлетворением отмечая свою сопричастность с судьбой этого города и оценивая результаты трудов по его усовершенствованию¹²². Тем не менее при всей очевидной приязни императора к Константинополю Феодосий не решился изменить официальный светский статус города Константина. Можно объяснять этот феномен опасениями непредсказуемых политических последствий, недостаточной подготовленностью общественного мнения или традиционализмом Феодосия – факт остается фактом: Константинополь и на исходе IV столетия пребывал одной из императорских резиденций, продолжительность остановок императора в которой целиком зависела от обстоятельств и желания императора.

Но реальное положение Константинополя стало уже таково, что после Феодосия Великого началась эпоха перманентного пребывания византийских императоров на европейских берегах Пропонтиды. Можно ли в связи с этим называть Константинополь столицей ранневизантийского государства начиная с 395 г.? Обратимся вновь к эпитетам города, которых немало обнаруживается в законодательстве сына Феодосия I, Аркадия. В его правление Константинополь начинает официально величаться “священнейшим городом”¹²³ – так, как до того называли только Рим. Отличие в применении данного эпитета от римской практики состояло в том, что константинопольский вариант “священнейшего” встречался пока только в указах религиозного направления. В большинстве же случаев упоминания Константинополя в законах “светского” содержания он назван “Городом”¹²⁴. Далее, Аркадий по примеру своего отца изредка называл Константинополь “городом священнейшего имени”¹²⁵. Наконец, в конституциях Аркадия впервые по отно-

¹¹⁹ Впрочем, именуя Рим “вечным городом”, Феодосий I как будто не вникал в суть традиционного словоупотребления, просто копируя в этом императоров Западной Римской империи. Ср.: *urbs aeterna* (C. Th. 11.1.18), *urbs venerabilis* (C. Th. 14.3.17; 14.6.4; 15.7.5; 15.10.2) – в конституциях, изданных западными императорами Грацианом и Валентинианом II, и *urbs aeterna* (C. Th. 14.1.3; 14.4.6), *urbs venerabilis* (C. Th. 11.30.49) – в конституциях, изданных Феодосием I во время его пребывания на Западе.

¹²⁰ C. Th. 2.8.19: “величайшие города Рим и Константинополь”.

¹²¹ C. Th. 14.12.1.

¹²² C. Th. 15.2.4: *florentissima urbs*. Это первый известный официальный эпитет Константинополя. Он использован в соответствии с содержанием конституции, повествующей о снабжении города водой, которая и позволяла ему “цвести”, но это уже не просто констатация физического состояния Константинополя и не риторический оборот, как в литературных памятниках второй половины IV в.

¹²³ C. Th. 16.2.37; 16.4.5; 16.5.30.

¹²⁴ Например: C. Th. 4.4.4; 7.1.17; 14.17.3.

¹²⁵ Например: C. Th. 14.17.14.

шению к Константинополю появляется эпитет “кормящий”¹²⁶. Очевидно, таким образом, что для императора Аркадия Константинополь был не просто резиденцией, но городом, пребывание в котором являлось неременной частью его повседневной жизни¹²⁷. Официальная эпитетика зафиксировала увеличение в имидже Константинополя доли субъективной императорской оценки, которая к тому же не шла вразрез с некоторыми общественными представлениями о значении города, хотя и не усиливала их. Все новые официальные эпитеты Константинополя не создавали городу нового статуса: приведенные выше определения остались частными и второстепенными по сути, поскольку описывали отдельные ипостаси города Константина: “кормящий” – в сфере аннонарного снабжения, “священнейший” – для православного населения Востока. Императорская власть пока еще не постулировала местоположения Константинополя в политическом и культурном пространстве целого государства, хотя о процессе формирования теории такого рода свидетельствует факт исчезновения из законодательных источников Рима как возможного объекта для сравнения с Константинополем¹²⁸.

Первая осторожная попытка официально назвать Константинополь царским городом и тем формально признать его столицей (в каком бы то ни было смысле) имела место в правление Феодосия II¹²⁹. Примечательно то, что она случилась не в год захвата Рима Аларихом, а много позже – вскоре после смерти императора Гонория и переезда в Константинополь его сына – будущего императора Валентиниана III¹³⁰. Тогда, в 424 году, Феодосий II не признал императором Запада Иоанна¹³¹ и, по-видимому, тогда же решил, что центр всей Римской империи переместился в Константинополь. О подобном умозаключении свидетельствует и появление в ранневизантийских законодательных источниках еще одного константинопольского эпитета, прежде относившегося только к Риму¹³². Феодосий Младший, наверно, давно мечтал об обновлении статуса Константинополя, поскольку уже в самом начале правления он санкционировал эксплицитное употребление эпитета “священнейший”, появившегося у Константинополя в правление Аркадия, так что этот эпитет стал применяться исключительно в указах светского содержания¹³³. Феодосий не согласовывал нововведение с императором Грацианом, и правительство Западной империи называло “священнейшим” и “вечным”, как обычно, город Рим¹³⁴. После интронизации Валентиниана III

¹²⁶ С. Th. 16.4.5.1–404: haec alma urbs.

¹²⁷ Константинополь удостоился от Аркадия редкого определения “наш город” (С. Th. 8.1.14–398).

¹²⁸ В конституциях Аркадия Рим не упоминается ни разу, в то время как на Западе Рим, даже оставленный императорами, сохранил для них значение идеологического символа со всеми присущими ему определениями и эпитетами: “священнейший” (С. Th. 6.2.20; 14.1.5; 14.15.3), “вечный” (С. Th. 7.13.14; 11.20.3; 14.2.3) и “почитаемый” (С. Th. 11.30.61; 14.10.2; 14.15.5).

¹²⁹ С. Th. 15.1.52–424: haec regia urbs.

¹³⁰ Грант М. Указ. соч. С. 321.

¹³¹ Там же. С. 333.

¹³² С. Th. 15.5.4: urbs aeterna. Очевидно, что речь в данной конституции идет о Константинополе: она дана от имени одного Феодосия II и касалась дел на византийской территории, в частности в префектуре Иллирик.

¹³³ С. Th. 13.5.32–409; 7.8.13–422; 6.23.4–437.

¹³⁴ С. Th. 7.21.4; 9.40.20–408; 13.5.35; 16.5.53–412; 14.10.4–416; 1.6.11–423.

в законодательстве Запада стали воспроизводиться официальные представления о Риме восточного императора Феодосия II: благодаря прямому влиянию восточного императора из указов Валентиниана исчезает традиционное величание Рима¹³⁵. Основной целью Феодосия являлся перевод Рима на второстепенные позиции по отношению к Константинополю хотя бы в государственных документах. Лишь на авторитет Рима в делах религии Феодосий II не покушался¹³⁶. Но все звучные римские эпитеты после 424 г. перекочевали в законодательство ранневизантийских императоров и стали определителями Константинополя. Рим же в официальных источниках и Запада, и Востока превратился в “город Рим”, т.е. формально – в административно-территориальный центр наподобие прочих *urbes*¹³⁷.

Вообще, на период правления Феодосия II пришелся расцвет официального использования эпитетов ранневизантийского Константинополя¹³⁸. Многие эпитеты применялись вне прямой зависимости от контекста включавших их конституций. Подобный разрыв с прежней практикой может однозначно означать, что Константинополь рассматривался в первой половине V в. не просто как населенный пункт, обладавший определенными физическими параметрами и функциями, пусть даже и запланированными самим Константином Великим, но прежде всего как особенный город, чьи многоликость и выдающиеся свойства должны были подчеркивать это особое положение среди городов империи. Казалось бы, сам собою напрашивается вывод о завершении формирования столичного статуса Константинополя в правление императора Феодосия Младшего. Но утверждать это было бы некорректно, так как попытка последнего ввести в официальный оборот эпитет “царский” не получила развития после 424 г.: важнейший из столичных эпитетов в конституциях более не встречается. Причиной императорской осторожности и непоследовательности служило, вероятно, сохранение в течение всего V в. прочно укоренившегося в общественном сознании представления о Риме как о важном явлении политического, идеологического и культурного порядка, преодолеть которое простыми манипуляциями с эпитетами было невозможно. Рим оставался “царским” городом фактически, так как в нем по-прежнему происходила легитимация западных императоров (включая и креатуру Феодосия – Валентиниана III). Константинополь в этой связи мог бы претендовать на роль второго царского города, о которой громко твердили официозные источники еще во второй половине IV в. и которая была неприемлема для честолюбия византийских императоров. Феодосию Младшему и его преемникам на троне оставалось рассчитывать на постепенное перевоспитание широкого общественного мнения относительно истинного значения Рима и Константинополя для судеб Римской империи. Возможно, разнообразие эпитетов Константинополя предназначалось

¹³⁵ Например: С. Th. 6.2.25; 8.18.9: “город Рим”.

¹³⁶ С. Th. 16.2.45: “Константинопольский город, радующийся благодаря прерогативе старого Рима”. Фраза из конституции звучит как церковный канон. Набожный Феодосий Младший, видимо, и не пытался оспорить религиозный авторитет Рима.

¹³⁷ Ср., например: С. Th. 11.1.32; 12.1.176: карфагенский город; С. Th. 16.2.43: александрийский город; С. Th. 12.1.186: *quiqua urbs*; С. Th. 12.6.33: *urbes*.

¹³⁸ С. Th. 14.16.1–409: “величайший”; С. Th. 14.6.5; С. Th. 1.2.4–419: “обширнейший”; С. Th. 15.1.51–413: “великолепнейший”; С. Th. 16.5.58–415: “знаменитый” С. Th. 6.30.24–425; 7.8.15–430; 7.8.16–435: “кормящий”; С. Th. 7.8.14–427: “счастливейший”.

для того, чтобы компенсировать невозможность одного, но главного эпитета – “царский”, означавшего не конкретную функцию города (главная императорская резиденция), но совокупность функций главного имперского города. Ранневизантийские василевсы – Феодосий II, Маркиан, Лев I и Зенон – наверняка считали Константинополь главным городом не только собственно Византии, но и всех бывших римских земель¹³⁹, однако не имели сил или воли распространить такое представление повсеместно. Анализ данных законодательства 50–80-х годов V в. показывает, что восточное правительство именно приучало общественность к эпитету “царский” в соседстве с именем города Константина: Феодосий II использовал его единожды, как и Лев I (Маркиан пользовался эпитетом “вечный”), но правление Льва было короче, а эпитет был использован в конституции, посвященной делам религии, что усиливало его звучание, поскольку христианская церковь почитала Рим главным городом, а в законах Зенона Константинополь назван царским городом уже неоднократно¹⁴⁰, но, так как прочие эпитеты из-за этого не исчезли, говорить о качественном изменении в порядке использования эпитетов нельзя вплоть до конца V в.¹⁴¹ Поэтому формально Константинополь оставался все это время той же “царской” резиденцией, какой пребывал в течение большей части IV столетия. Рим давно утратил статус реальной *sedes imperii*, но мог иногда называться “царским городом” в память о прошлом или же в пику Константинополю. С началом германского заселения Италии эстафету поддержания старого имиджа Рима подхватили даже те варварские правительства, которые признавали Константинополь в качестве важного фактора политической жизни и международных отношений в Восточном Средиземноморье¹⁴². Перевоспитание общественного мнения в духе идеи всестороннего превосходства Константинополя над Римом оказалось делом бесперспективным. Даже как “царская” резиденция Константинополь не мог претендовать на уникальность после окончательного захвата Рима варварами: любой город Запада, избранный германскими королями на роль места постоянного присутствия, формально назывался “царским” (*regia urbs*), будучи производным от латинского слова *rex*¹⁴³. Для того, чтобы возвысить Константинополь в качестве резиденции императора, необходимо было не столько преодолевать инерцию традиционного мышления, сколько изме-

¹³⁹ Например: С. J. I. 12. 6. pr. (Лев): “этот царский город, в котором мы, проживая по божеской благосклонности, издаем скорые постановления...”; С. J. 12. 3. 3. I (Зенон): “этот славный город, который есть глава земного круга”.

¹⁴⁰ С. J. I. 2. 16; II. 43. 10; 12. 40. 11; 12. 60. 6; “этот царский Город”; С. J. 11. 43. 9: “царская Община”.

¹⁴¹ С. J. I. 2. 16. 1: “эта религиознейшая Община”; С. J. 3. 24. 3: “этот кормящий Город”; С. J. 12. 3. 3: “этот славнейший Город”; С. J. 12. 21. 8: “преданнейший Город”. Об опасениях Зенона при использовании эпитетов Константинополя говорит и то обстоятельство, что конституции, где они встречаются, датированы 477–488 гг., т.е. эпитеты в них появились лишь после известных событий 474–476 гг.

¹⁴² Например, остготский король Теодорих Великий. См.: *Cassiodor. Variae*. III. 30. I (о Риме): “Единственное может в тебе составить многое. Какие из городов отважатся устремиться к твоим вершинам?”; IV. 6. I: “Рим не должен быть кому-либо неприятен, никто не может назвать его чужим... он – обширнейший храм всех доблестей”; VII. 15. 5: “...а ныне верно, когда говорят, что весь Рим есть чудо” (здесь и далее – ссылка на следующее издание Кассиодора: *Cassiodori senatoris Varii* // AA. MGH. T. XII. B., 1894).

¹⁴³ *Ibid.* I. 128. 1: “Достоинство обустройство города, которому поверяет себя царская (*regalis*) работа, так как славой времен является восстановление старых городов...”.

нять сложившийся порядок употребления эпитетов, привести эпитетику в соответствие с рождавшейся ранневизантийской доктриной Константинополя. Наиболее эффективной мерой поэтому было бы изъятие из официальной риторики всех “лишних” для определения политической роли Константинополя эпитетов, а также внедрение в нее такого заменителя прежнего эпитета *regia*, который означал бы то же самое по сути, но не имел бы ничего общего с *reges* по форме. Необходимость указанных действий казалась настолько очевидной в конце V в., что была реализована уже в правление Анастасия I. Император Анастасий достиг главного – он устранил двусмысленность семантического обозначения официального статуса Константинополя, признав его столицей незанятой варварами римской территории. В указах Анастасия I Константинополь назывался только царским городом и никаким другим, причем слово “царский” стало чаще передаваться по-гречески¹⁴⁴. Это обособило Константинополь от прочих претендентов на титул “царского города”; освобождению образа города Константина от связи с Римом послужило использование в официальной практике древнего его названия – Византий¹⁴⁵.

На этом было бы возможно завершить обзор эволюции официального статуса Константинополя по данным законодательных источников, сделав вывод о превращении города в столицу империи на рубеже V–VI вв. Но сделать так будет не вполне правильно, поскольку в VI в. в законодательство возвращается терминологическая двусмысленность, которая позволила Риму вновь соревноваться с Константинополем за первенство в некоторых ипостасях. Кодификация Юстиниана I и его реставраторские замыслы потребовали переосмысления анастасиевой позиции в вопросе об идентичности Константинополя. Юстиниан Великий неизбежно должен был порвать с принципом обособления Константинополя от Рима и сформулировать новое отношение к Риму как к историческому центру империи и как к первой из ортодоксальных патриархий¹⁴⁶. В официальном статусе Константинополя изменений почти не произошло, однако в образ города в VI в. вновь оказался включенным элемент сравнения с Римом. При Юстиниане столичный статус Константинополя утвердился, но более сложным путем, чем при Анастасии, так как пришлось учитывать “римский фактор”. Впрочем, задача Юстиниана была облегчена существованием уже практически сложившегося общественного представления “ромеев” о Константинополе как единственной столице Римской империи.

Подведем итоги. История складывания столичного статуса Константинополя прошла несколько этапов. Вплоть до конца IV в. город формально и фактически являлся одной из императорских резиденций, которые отличались друг от друга названиями и стратегически обусловленным значением. Но Константинополь обладал двумя серьезными преимуществами перед

¹⁴⁴ С. J. 1. 2. 17: βασιλίδος πόλεως; С. J. 8. 53. 32: regia urbs; С. J. 10. 27. 2: βασιλίδι πόλει.

¹⁴⁵ С. J. 1. 2. 17: Βυζαντίω.

¹⁴⁶ В Кодексе Юстиниана большинство конституций IV–V вв. были отредактированы таким образом, что название Рима лишилось изначальной образности или же вовсе исчезло. Ср., например: С. Th. 14.1.3 = С. J. 11.14.1; С. Th. 14.3.12 = С. J. 10.48.9. Одновременно с этим в ряде конституций, упоминавших Рим, его значение было намеренно подчеркнуто в редакции нового кодекса. Ср., например, в С. Th. 15.1.11: “вечный город Рим” и в С. J. 8. 11. 5: “вечный город Рим, старый и новый”.

прочими резиденциями: во-первых, он был основан Константином Великим и носил его имя, во-вторых, он обладал более выгодным географическим положением. При соответствующих усилиях заинтересованных персон названные отличия обеспечивали возможность дальнейшего отрыва от других городов – претендентов на роль главной резиденции. Второй этап истории ранневизантийского Константинополя начался после раздела империи 395 г., когда появилась основа для его соперничества с Римом в праве называться главным городом по отношению к городам и общинам Востока. Этот этап завершился в конце V – начале VI в. утверждением в официальной риторике эпитета “царский”, прилагаемого к Константинополю. Особым этапом следует считать период с 30-х по 60-е годы VI в., когда императорская власть пыталась осознать реальное положение “вечного” Рима по отношению к “царскому” Константинополю в русле развивавшейся политической теории ранневизантийского государства. Результатом пройденного Константинополем исторического пути явилось формальное превращение его из “города Константина” в столицу ранней Византии и соперника Рима в праве трактовать теологические и церковно-административные вопросы.

Конечно, невозможно абсолютно точно назвать время, когда Константинополь стал столицей Византийского государства. Но, как удалось выяснить, не вызывает сомнений то, что при определении статуса города необходим учет не только его физического состояния и роли в политической жизни государства, но и субъективных факторов – общественных и официальных представлений, лежащих в основе конкретно-исторического имиджа Константинополя.